

УДК 130.2

БУРКИНА Лариса Сергеевна,
кандидат социологических**BURKINA Larisa Sergeevna,**
Candidate of Sociological Sciences**ДИСГАРМОНИЯ «ЧЕЛОВЕКА
ПОТРЕБЛЯЮЩЕГО» В УСЛОВИЯХ
ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ****DISHARMONY OF A PERSON-CONSUMER
UNDER THE CONDITIONS OF
POSTMODERNITY**

Статья посвящена чрезвычайно актуальной теме современного социально-гуманитарного знания. В статье девиантность человека интерпретируется в контексте социально-культурологического подхода. Анализируется мысль о том, что девиантность есть состояние личности, находящейся в противоречии с культурными нормами и одновременно стимулируемой на выбор иных культурных координат. Говорится о том, что логика девиантности разворачивается в культуре своеобразно. Подчеркивается, что постсовременность является результатом декультурации общества, приведения не только в состояние массовизации, но и включения практик человека потребляющего. Рассматривается вопрос о том, что человек в постсовременности является личностью, но не субъектом. Десубъективация самоопределения, нежелание взять ответственность, нежелание утвердить себя в качестве морального суверена переводит проблему девиантности в несколько иное измерение. В целом по статье делается вывод о том, что реализуемые в обществе постсовременности стратегии самоопределения личности основываются на вере в то, что сам человек является и виновником, и творцом своей судьбы. В силу этого обстоятельства снимается законодательная роль разума и культура перестает быть сферой оценки соразмерности человеческих деяний и программирования человека на социальный альтруизм. В этой ситуации самоопределение программирует эффекты девиантности как отношения между людьми по поводу соревнования в новизне, а не в социальной сострадательности.

The article focuses on highly topical issue of modern social and humanitarian knowledge. Deviant activities of a person are interpreted in the context of philosophical and cultural approach. The paper analyzes the idea that deviance is a state of the person which is in conflict with the cultural norms and, at the same time, stimulated by the choice of different cultural origin. Stating that the logic of deviance takes place in the culture peculiar. It is emphasized that postmodernity is the result of *dekulturatsii* society, bringing not only in the state of massivization, but also include practices a person consumes. The question that people in post-modernity is a person, but not the subject. Desubjectivation self-determination, unwillingness to take responsibility, unwillingness to establish itself as a moral sovereign, transfers the problem of deviance in a slightly different dimension. In general, the article concludes that implemented in postmodern society strategy self-identity based on the belief that man is the culprit, and the creator of your destiny. For this reason, removed the legislative role of the mind, and culture ceases to be an area of the proportionality assessment of human actions and programming to a social altruism. In this situation, the effects of self-determination programs deviance as relations between people over the competition in the novelty, but not in social compassion.

Ключевые слова: креативность, сфера культуры, традиции, правила человеческой жизни, способности порождать девиантности, возможности стратегии человека, самореализация, самоопределение.

Keywords: creativity, the sphere of culture, traditions, rules of life, the ability to generate deviance, possible strategies for human self-realization, self-determination.

Отмечая, что девиантность есть состояние личности, находящейся в противоречии с культурными нормами и одновременно стимулируемой на выбор иных культурных координат, мы должны понять, что логика девиантности разворачивается в культуре своеобразно. Проявление девиантности можно квалифицировать и как антикультурную заданность, как агрессию против культуры, как разрушение культуры, но можно «воспевать» культурное творчество, как выходящее за пределы застывших культурных стандартов, как то, что, кажется, противостоит канонам повседневности, то, что показывает человека как существо, устремленное к созиданию будущего [см.: 1].

Креативность как обещание сохранения индивидуального лица, как стратегия индивидуализированного общества выпадает из контекста ответственности перед обществом и соответствия критерию человекоразмерности в культуре. Но главное состоит в том, что креативность представляет собой способ навязывания человеку наиболее удобного проживания в обществе постсовременности – обществе, которое, хотя и видимо неохотно, но распрощалось с идеалами модерна: прогрессом, справедливостью, разумностью – и не является единством людей, разделяющих и одушевленных идей построения более разумного и справедливого общества.

О постсовременности много говорится в контексте глобальных вызовов технологических рисков. Ускользает то, что постсовременность является результатом декультурации общества, приведения не только в состояние массовизации, но и включения практик человека потребляющего. Остается в тени важный момент, что человек в постсовременности является личностью, но не субъектом. Десубъективация самоопределения, нежелание взять ответственность, нежелание утвердить себя в качестве морального суверена переводит проблему девиантности в несколько иное измерение.

Предполагая, что креативность снимает эти проблемы как несущественные по сравнению с самой возможностью самореализации человека, выпадения из общего массовизированного контекста, не ставятся и не обозначаются границы допустимого в жизни личности. Точнее сказать, культурные формы выступают устаревшими ограничителями, и в рамках предлагаемых версий дегероизации действительности, отрицания общественных идеалов альтруизма, жертвенности, свободы для человека актуальным становится создание и претворение гармонии с самим собой.

Конечно, это означает тождественность фразе «пусть весь мир рухнет, лишь бы в моей душе было спокойствие», однако есть существенная черта креативности, которая подводит к тому, что человек вправе выстраивать параллельные и конфликтующие с общепризнанными нормами стратегии. Конечно, речь не идет об освещении каннибализма как культового действия или возвращении к обрядам инициации. Это было бы достаточным упрощением, в котором, однако, содержится рациональное зерно.

Креативность является провозглашением возможности эксперимента человека над самим собой. Но коренное отличие от эпохи модерна состоит в том, что суверенность и вера в безграничность человеческих сил воплощалась в общественном и технологическом прогрессе, в том, что делает всех людей в той или иной степени счастливее и совершеннее, для креативности важна личностная акцентуация – то, что человек действует, проецируя себя в совершенно разных направлениях. И это не означает, что предполагаемые условия для самореализации могут быть созданы сообща, быть коллективным результатом.

Как пишет У. Бек, при общественном и политическом самоиспользовании модернизации столь широко распространенный интерес к возможности распоряжаться принимает форму самообладания [2, с. 277]. В противоположность эпохе модерна человек если и может осознать опасность девиантности, то только изнутри, и в этом смысле противостоит самому же себе. Согласно этой логике, У. Бек утверждает, что само происхождение опасности коренится не во внешнем, чуждом и человеческом, а в исторически приобретенной возможности людей к изменению [2, с. 288].

Это же означает, что девиантность включается в правила человеческой жизни, способности порождать девиантности, но не бороться с ними в соответствии с определенной системой ценностей; делается нечто иное: личность утверждает себя, проблематизируя собственное существование, то есть сама способность к творчеству, содержащая обязательность девиантности. Соответственно, этот процесс можно назвать перманентным, несмотря на очевидность расставания с иллюзиями культуры.

А. Ашкерев полагает, что самое главное – это коррупция духа, наивная индивидуалистическая вера в то, что причастность к креативности создает возможность обладать чем-то ценным, уникальным, принадлежащим только самому себе [3, с. 146]. Размышляя о возможности стратегии человека, вернее, его самореализации, самоопределения, можно говорить о трех направлениях. Первое связано с демонстрацией инаковости, от пирсинга и тату до принятия кодов узнавания, что свойственно некоторым молодежным субкультурам. Вторая стратегия – компенсационная, которая сводит человеческую жизнь и компенсирует изгнание из мира культуры перспективой встать над культурой, творить суд над культурой.

Такой процедурой выступает эвентуализм, право на надругательство над культурными святынями (перверсия иконы – политический плакат или анатомическая скульптура). Третью стратегию можно назвать самореализующейся программой, так как выявляется возможность планирования будущего, изменение будущего, но не в том смысле, что приписывает Р. Флорида, а как действие, направленное на обладание неким коллективным «мы», заключающееся в реконструкции ордена избранных, и путем исторической реконструкции воссоздание псевдо-традиции, и тем, чтобы заявить о себе как человеку действующем, не нуждающемся в обществе, не ориентированном на преобразование, коллективный катарсис. Отправной точкой является формирование готовности действовать как необязательные единомышленники, принимать участие в совместных акциях, при этом не сохраняя солидарности. Для того, чтобы понять логику самоопределения в мире постсовременности, важным является признание, забвение модерна, как пишет А. Турен, отказ от обращения к культуре и государству, как эквивалентным тотальностям, тому, что можно назвать интегризмом, укреплением коммунитарной закрытости [4, с. 104].

Эти стратегии могут быть объединены по одному свойству. Стратегии самореализации становятся стратегиями самоосвобождения, освобождения от самости человека, от того, чтобы быть личностью, то есть утверждать себя в качестве творца нового, имеющего общезначимый, универсальный смысл, каким бы не казался вычурно эстетским или камерным диалог творца с культурой. Нельзя назвать эти движения культурным диссонансом, так как в нем отсутствует не культурный нигилизм, не принятие диссонанса и аритмии, не эстетизация безобразного – смысл самореализации выявляется в том, что само будущее предстает как акт отчаяния, борьбы с самим собой, уничижительной рефлексии, так как человек, чтобы не показать свою сла-

бость вовне, перемещает ее во внутренний мир и спасается упованием на то, что мир вокруг меня абсурден, что, включаясь в общественные связи, я участвую в театре абсурда.

Можно также сказать, что описываемые стратегии «скроены» на один манер: девиантность становится способом самореализации. Ничто не предвещает того, что любитель пирсинга является социально агрессивным существом, однако ничто и не обещает, что увлечение пирсингом становится условием и возвращением к человеку действующему. Мы полагаем, что А. Турен осознает сложность проблемы в том, что, отрицая культуру и государство, он сознательно стирает не только границы между принципиально разными феноменами человеческой жизни, но и делает уступки освобождению без цели.

Утверждение контриденности по А. Турену не есть акт формирования контркультуры или вызревания культурной революции в недрах старой культуры. В своих рассуждениях он признает конфликтность социального господства, связанного с характером использования главных культурных ресурсов, производства знания этических правил [4, с. 83]. Главным для него является конструирование определенной области реальности, то есть усилия по реконструкции культуры должны быть замещены отказом от всякой идеи о восстановлении, поскольку это порождает фундаментализм.

Нельзя соотносить себя ни с обществом, ни с общественным порядком, так как согласно этому правилу человек возвращается в контекст борьбы за контроль над культурными моделями и историчностью, выдвигает претензии на культурную гегемонию в обществе [4, с. 87]. По А. Турену, самореализация личности требует другую концепцию субъекта, которая делает акцент на дистанцию между творчеством и его творением, между сознанием и практикой [4, с. 88]. Так как нужно прежде всего опасаться, чтобы культурные модели трансформировались в социальные практики, освободиться от этих практик, не участвовать в культивосозидании, являясь личностью отстраненной. Только это приводит к тому, что самореализация наполняется рефлексивным смыслом, что на свои действия человек смотрит со стороны, одновременно не нуждаясь в порицании или одобрении других.

Философ С. Жижек задается вопросом: «Почему в постсовременном обществе удивительным образом сочетаются крайняя мягкость в отношении нравов и безразличие к агрессивности?» [5, с. 43]. По его утверждению человек, испытавший опыт разочарования в ценностях прогресса, воспринимает мир как мир риска. Но и свою жизнь он делает полной риска, так как именно в этом контексте может соизмериться с остальными. По трактовке С. Жижека выходит, что агрессия вызывается не внешними причинами (культ насаждения агрессии в СМИ, неприязнь к мигрантам, социально-классовая борьба), агрессивность произрастает из самоопределения человека, того, что он хочет быть не тем, как ему предписывает общество. Разрыв с социальными связями видится в неследовании моральным догмам. В том, что принцип «не убий, не укради», хотя и не подвергается сомнению вслух, не является тем, с чем может связать человек свое самоопределение.

Казалось бы, речь идет о простейших моральных истинах. Но если следовать логике рассуждения С. Жижека, рефлексия современного человека ощущается в спорах о том, что дозволено и недозволено. Он пытается примирить веру в собственную исключительность с тем, что вынужден осознать слабость своих сил. То, что на гениальность способны только немногие. И это претит человеку, настроенному на исключительное равенство возможностей. Он, конечно, не намеревается перевернуть весь мир, но утроить собственный по собственному представлению и образу для него не представляется недостижимым.

Высказывая предположение, что постсовременность является обществом риска, обществом социальной неопределенности, социальной турбулентности, социологи и философы (З. Бауман и И. Валлерстайн) указывают на неэффективность социальных и экономических институтов, на отмирание государства. Но есть и другая существенная причина, которая связана с различием и указывает не на причины, а на мотивы. В понимании описываемой личности есть стремление выстроить параллельный социальный мир и применять к внешнему миру стратегии неповиновения.

Самые очевидные результаты эта стратегия выдает в том, что необходимо оставаться в состоянии нереализованных возможностей и не принимать решения. Даже в стратегии самопрограммирования просматривается безнадежность в надежде на будущее. Остается неясным, каким образом человек решает трудности, «затрагивающие сердце» его самоопределения. Впрочем, отвергая внешние причины самоопределения человека, это допущение можно истолковать чисто методологически: как выражение программы поиска законов, регулирующих человеческое самоопределение. В качестве таковых, если они поставлены проблемно, не могут вызвать принципиальных возражений.

Но совершенно очевидно, когда мы признаем их общими тезисами, отражающими действительное положение вещей, в этом случае мы должны задаться вопросом: «На каком основании они являются претендующими на искренность?». Прежде всего, должны ли мы допускать, что самоопределение человека является высшей культурной ценностью. Оснований для

подобного допущения не больше, чем утверждать, что человек рождается рабом, скованным социальными обстоятельствами и лишенным перспективы автономности самодеятельности.

Касаясь вопроса о конкретных механизмах самоопределения человека в обществе постсовременности, мы уверены в том, что человек лишен и влечения к животности, и к тому, чтобы быть творческим [5, с. 184], соглашаясь с тем, что исследуемая выше креативность вызывает и провоцирует желание быть непохожим и, одновременно, находиться в логике потребления. Девиантность является способом потребительского бунта в этом значении, а различия в способностях людей обуславливаются различием в возможностях быть уникальным.

Было бы обидно, если недостатки сверхамбициозности креативной теории оттолкнули нас от лучшего понимания самого человека, потому что, рассуждая о девиантности, мы объективно приходим ко многим сложностям, которые испытывает человек в современном мире. Жижек полагает, что позиции человека в контексте самоопределения парадоксальны, что он не может быть ответственным за свои действия хотя бы потому, что эти действия вызываются желанием быть безответственным [5, с. 202].

Как отмечал Платон, разум может конфликтовать с возбуждением. Человек может чувствовать голод, но не есть, и он может есть, не будучи голодным [6, с. 194]. Однако в описываемой нами картине речь не идет о том, каким может и должен быть человек в ситуации самоопределения, что является для него надежным свидетельством того, что он независим и чувствует себя свободным. Важное здесь – это определение человека вне контекста культуры, как критерия человекоразмерности, как того, с чем человек может измерить себя. И это затрагивает не только культурные образцы, но и само обращение человека с культурными артефактами, с тем, что культурный фон является фоном, на котором могут разворачиваться агрессивные мистерии.

Впрочем, создается впечатление, что в условиях нарастающей мультикультуральности, влияния «иных» культур, присутствия иных в современном жизненном контексте самоопределение становится стратегией пугающей перспективы, когда осознается, что со временем, если не будет достигнут паритет ценностей различных групп людей, человеку уготована судьба вернуться к временам клановости и действовать по формуле деления на своих и чужих.

Во многом культура ассимиляторства была настроена на обаяние потребительских ценностей, в меньшей степени, нематериальных (демократических). Но так вышло, что привлеченные логикой потребительского общества, люди ищут самовыражение не в том, чтобы соревноваться с «местными» по экономической конкурентоспособности, по приобретению потребительских благ, а заявляют себя путем бунта, роста насилия не только против общества, но и личности, и декларируемым мотивом является то, что это общество «чужое», не потому, что оно недооценивает их, а потому, что нуждается в переделке, в коренном изменении, должно принять их, воспринимаяемых как чужаков, людьми с более совершенными моральными качествами.

Это может являться следствием культурного «красизма наоборот», но не меньшая причина заключается и в том, что общество постсовременности сделало выбор в пользу ценностного индивидуализма, точнее, неприятия ценностей, когда любой намек на то, что человек должен держать себя в определенных рамках, воспринимается как покушение на свободу личности, как диктаторство, как отношение к человеку как второстепенному, независимо от того, какие нормы он нарушает и какие социальные последствия это нарушение несет.

Главный акцент рассуждений С. Жижека не на гуманизме, не на метафизике, а на том, что общество и личность находятся в состоянии исчезающего равновесия [7, с. 60]. Видимым свидетельством тому становится нежелание того, что раньше воспринималось как общество, брать на себя ответственность за человека, кроме как в постоянно сужающейся сфере социальной опеки. С другой стороны, массы людей, живущих на достаточно хорошие социальные «подачки», могут испытывать озлобление к обществу, потому что их ущемленная совесть утверждает, что они не самостоятельны, что они зависят от этого ненавидящего и презирающего их общества.

Проблема самоопределения человека, таким образом, усиливается тем, что человек перестает осознавать себя солидарным с другими, становится человеком самоопределения без выбора потому, что мир, который окружает его, не предоставляет возможности принадлежать какой-то общности, только если это не включает обязательств. У. Бек полагает, что при этом возникает парадоксальная ситуация, которая парализует все дискуссии. Приватная суверенность является часто вынужденной реакцией людей, которые испытывают затруднения, если их повседневный опыт подтверждает, что он не может переместиться в другой локус [8, с. 43].

Упорядоченная схема девиантности, как способа социального самообособления, рассматривает других только по методу сборки / разборки, монтажа / демонтажа, того, что, строя отношения с другими людьми, можно располагать, что при помощи средств коммуникации можно переместиться в другую точку мира, чтобы начать свое существование заново. Новое в обществе постсовременности состоит в том, что утрачивается взаимосвязь между нормативно-

стью поведения и способом самореализации. Исчезает чувство взаимной зависимости, разрывается связь, делавшая не только необходимой, но и возможной солидарность [8, с. 106].

Два момента делают не столь фантастическим или спорным это утверждение. В известной мере разрыв связей людей, при которых утрачивается социальная солидарность, есть реальность, которая не может быть оправдана возникновением новых форм социального общения, особенно в интернет-пространстве. Кроме того, даже «путая» причину и следствие, то, что человек вынужден действовать несолидарно, обособленно, совершать действия, которые могут квалифицироваться как девиантные, потому что исчезают отношения не только господства и зависимости, но и движения к общей цели, определяющей причиной является самомотивированность человека в культурном пространстве, в том, что быть личностью – значит обладать меньшими связующими способностями и в большей степени способностями разъединяющими и конфликтогенными.

Таким образом, можно сделать выводы: во-первых, креативность как стратегия самоопределения личности если и содержит позитивный смысл в реабилитации творчества, то, как показывает осуществленный нами анализ, границы допустимого и недопустимого перемещаются из сферы культуры в плоскость межличностного общения, того, что называется эффектом взаимного неудовольствия; во-вторых, реализуемые в обществе постсовременности, как обществе социального риска, стратегии самоопределения личности основываются на вере в то, что сам человек является и виновником, и творцом своей судьбы, и в силу этого обстоятельства снимается законодательная роль разума, но и, не менее важно, культура перестает быть сферой оценки соразмерности человеческих деяний и программирования человека на социальный альтруизм. В этой ситуации самоопределение программирует эффекты девиантности как отношения между людьми по поводу соревнования в новизне, а не в социальной сострадательности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Воденко К.В., Черных С.С., Самыгин С.И.* Социальная антропология. – Ростов-на-Дону, 2014.
2. *Бек У.* Общество риска. – М., 2000.
3. *Ашкеров А.* Нулевая сумма. – М., 2011.
4. *Турен А.* Возвращение человека действующего. – М., 1998.
5. *Жижек С.* О насилии. М., 2010.
6. *Стивенсон Л.* Десять теорий о природе человека. – М., 2004.
7. *Жижек С.* О хрупком абсолюте. – М., 2004.
8. *Бек У.* Что такое глобализация? – М., 2001.
9. *Воденко К.В.* Современная социально-экономическая политика: культурные и философские основания // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 77–89.

REFERENCES

1. *Vodenko K.V., Chernih S.S., Samygin S.I.* Social anthropology [Vodenko K.V., Chernyih S.S., Samyigin S.I. Sotsialnaya antropologiya. Rostov-on-Don, 2014].
2. *Beck U.* Risk Society [Bek U. Obschestvo riska]. Moscow, 2000.
3. *Ashkerov A.* Zero-sum [Ashkerov A. Nulevaya summa]. Moscow, 2011.
4. *Touraine A.* Return a man of action [Turen A. Vozvraschenie cheloveka deystvuyuschego]. Moscow, 1998.
5. *Zizek S.* About violence [Zhizhek S. O nasilii]. Moscow, 2010.
6. *Stevenson L.* Ten theories of human nature [Stivenson L. Desyat teoriy o prirode cheloveka]. Moscow, 2004.
7. *Zizek S.* About the fragile absolute [Zhizhek S. O hrupkom absolyute]. Moscow, 2004.
8. *Beck U.* What is globalization? [Bek U. Chto takoe globalizatsiya?]. Moscow, 2001.
9. *Vodenko K.V.* Modern social and economic policies: the cultural and philosophical foundations of humanities [Vodenko K.V. Sovremennaya sotsialno-ekonomicheskaya politika: kulturnye i filosofskie osnovaniya]. Southern Russia. 2014. № 3. pp. 77-89.

Информация об авторе

Буркина Лариса Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Ростов-на-Дону, Россия
burkina.68@mail.ru

Получена: 11.02.2015

Information about the author

Burkina Larisa Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Chair of Sociology and Psychology, the Southern-Russian State Polytechnic University named after Platon, Rostov-on-Don city, Russian Federation
burkina.68@mail.ru

Received: 11.02.2015